

СТАТЬИ И АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

С. АЛОЭ

ДОСТОЕВСКИЙ В ИТАЛЬЯНСКОЙ КРИТИКЕ

На сегодняшний день, и с давнего уже времени, роль Достоевского в итальянской культуре, бесспорно, велика. Это выражается в популярности его романов среди читателей и его известности как величайшего представителя русской литературы наряду с Л. Н. Толстым; а также в восприятии и изучении его произведений и мотивов писателями, и учеными (литературоведами, философами, педагогами и т. п.), которые под разными ракурсами анализируют различные аспекты его творчества. Благодаря присутствию некоторых констант в тенденциях этого восприятия, можно попытаться написать достаточно «ровную» историю достоевведения в Италии, при том что задача оказывается одновременно чрезвычайно сложной из-за большого разнообразия статей и монографий, их огромного числа и отсутствия настоящих «школ» изучения наследия русского писателя¹.

Полное признание гения Достоевского как писателя и мыслителя в итальянской культуре стало результатом сложного и продолжительного процесса, развитию которого препятствовали различные предрассудки, языковой барьер и недостаток знаний. Долго Достоевского-мыслителя противопоставляли Достоевскому-писателю (оценка смещалась исключительно в пользу первого упомянутого качества писателя), и не раз утверждалась чуждость русского романиста «духу» итальянской цивилизации, наследницы — по мнению многих представителей ее культуры вплоть до середины XX в. — античной эстетики в культе красивых форм и их гармонического соответствия содержанию. Характерна, например, пренебрежительная оценка творчества Достоевского

¹ Библиографию литературы о Достоевском, изданной в Италии до 1983 г., см.: *Dal Santo L. Saggio di bibliografia italiana su Dostoevskij // Dani A. Studi in onore di Federico M. Mistrorigo. Vicenza, 1958. P. 377–403; D' Ajetti B. Bibliografia su Dostoevskij // Quaderni dell' Istituto di Lingue. Facoltà di Economia e Commercio. Università di Messina. 1983. Anno II, N 1. P. 1–76.* После 1983 г. библиография специальными публикациями не обновлена, а саму историю итальянского достоевведения начали изучать недавно: см.: *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945). Udine, 1998; Оливьери К. Достоевский в Италии. Столетие критической мысли // Достоевский и XX век. М., 2007. Т. 2. С. 553–566.*

и русских романистов вообще со стороны великого критика и философа Бенедетто Кроче (Benedetto Croce), мнение которого десятилетиями доминировало в итальянской эстетической мысли². В итальянскую литературу темы и художественные приемы Достоевского проникали с большим трудом, чем в литературу других европейских стран; но в конечном счете творчество Достоевского стало и в Италии неотъемлемым культурным достоянием и глубоко повлияло на ее литературу и на философское мышление³.

Имя Достоевского впервые упоминается в Италии в 1869 г., когда в журнале «*Rivista contemporanea*» была опубликована статья «Достоевский и его произведения» с переводом маленького отрывка из романа «Преступление и наказание»⁴. До сих пор не удалось установить ее авторство — она подписана *М.А...ff*. И статья, и перевод связаны с редактором журнала, известным итальянским литературоведом, фольклористом и эрудитом графом Анджело де Губернатисом (Angelo de Gubernatis), который при помощи русской жены, С.П. Безобразовой, одним из первых в Италии раскрывал в те годы сокровища русской литературы⁵.

Еще задолго до выхода в свет в Париже в 1886 г. знаменитой книги Э.-М. де Вогюэ (E.-M. de Vogüé) «*Le roman russe*», в которой высоко оценивается русская литература, де Губернатис посвятил Достоевскому несколько журнальных статей и заметок, впрочем, не получивших серьезных откликов в итальянской литературной среде⁶. Только благодаря авторитету Вогюэ в Италии были изданы первые переводы произведений Достоевского, и то сделанные с франкоязычных источников. Это были «Записки из Мертвого дома» (1887); «Преступление и наказание» (1889); «Неточка Незванова» (1890); «Бедные люди» (1891)

² Ср. *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 89.

³ О значении Достоевского для литературы Италии и в целом для ее культуры см.: *Guarnieri Ortolani A. Saggio sulla fortuna di Dostoevskij in Italia*. Padova, 1947; *De Michelis E. Dostoevskij nella letteratura italiana // Lettere italiane*. 1972. Anno XXIV, N 2. P. 177–201; *De Michelis E. Dostoevskij nella cultura italiana // Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 163–196; *Потанова З.М. Русско-итальянские связи: вторая половина XIX века*. М., 1973. С. 227–232; *Колущчи М. Достоевский и итальянская культура // Dostojevskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983. S. 421–434; *Володина И.П. Достоевский и итальянская литература // Достоевский в зарубежных литературах*. Л., 1978. С. 5–36; *Володина И.П. Достоевский и итальянский роман конца XIX — начала XX века // Пути развития итальянского романа (вторая половина XIX — нач. XX в.)*. Л., 1980; *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998.

⁴ *A...ff M. Nostra corrispondenza letteraria: Dasztaievsky e le sue opere // Rivista contemporanea*. 1869. Agosto. P. 271–277; *Dasztaievsky T. Delitto ed espiazione // Ibid*. P. 278–287.

⁵ См. *Потанова З.М. Русско-итальянские связи. Вторая половина XIX века*. М.: Наука, 1973. С. 227–232; *Алоэ С. Первые этапы знакомства с Ф.М. Достоевским в Италии // Достоевский и мировая культура*. 2001. №15. С. 141–155.

⁶ Там же.

и др.⁷ В отсутствие ученых и критиков, способных читать произведения в оригинале, восприятие русской литературы, в том числе и творчества Достоевского, сформировалось в Италии под сильным влиянием ее односторонней интерпретации со стороны Вогюэ.

Итальянские читатели приняли Достоевского за своеобразного беллетриста, автора мрачных романов, населенных уродливыми, больными, чрезмерно эмоциональными героями, в то время как журнальные критики, следуя своим французским коллегам, отзывалась укоризненно о неопрятности стиля писателя, отсутствии меры и пропорций, неискрушенном воображении и неискусном построении Достоевским сюжетов своих произведений. Закоренелый консерватизм и провинциальность итальянской культуры, не готовой к новым формам повествования, усугубили неприятие творчества Достоевского итальянцами. В журналах той эпохи часто встречается противопоставление природно-хаотичного стиля Достоевского, выражающего молодую и еще стихийную культуру России, классическому («латинскому») и гармоничному «среднеземноморскому» строю итальянской литературы. Тем не менее популярность Достоевского росла стремительно, и не все отзывы о его произведениях были отрицательными. Но, что характерно, даже энтузиасты, страстно отдавшиеся популяризации русского писателя, не отличались глубоким пониманием его творчества и мира его героев.

Примером тому может служить один из первых итальянских переводчиков с русского, публицист и писатель Доменико Чамполи (Domenico Ciampoli), который по возвращении из России в 1893 г. опубликовал в еженедельнике «Воскресный Фанфулла» («Fanfulla della Domenica») свои путевые заметки под названием «У могилы Достоевского» («Alla tomba di Dostoiëwskij»), в которых собраны, пожалуй, все возможные банальности, связанные в те годы с именем писателя: «Сердце сестры милосердия и дух Великого инквизитора, философ, апостол, полумный, утешитель страждущих и палач мирных душ, Иеремия тюрьмы, Шекспир сумасшедшего дома»⁸. Чамполи был, вероятно, первым итальянцем, который посетил не только могилу, но и дом в Кузнечном переулке, где Достоевский умер (в квартире, где жил писатель, Чамполи нашел нового жильца, обычного портного, которому имя Достоевского было совершенно неизвестно)⁹. Смесь восторга с непрофессионализмом была отличительной чертой Чамполи, у которого и знание русского языка было далеко не идеальным; тем не менее его заслуги в началь-

⁷ См.: *De Michelis C. G. Russia e Italia // Storia della civiltà letteraria russa / A cura di M. Colucci, R. Picchio. Torino, 1997. P. 689–709.*

⁸ *Viator [Ciampoli D.] Ricordi di Russia: alla tomba di Dostoiëwskij // Fanfulla della Domenica. 1893. 19 febbraio. (Перевзд.: Ciampoli D. Saggi critici di letterature straniere. Lanciano, 1904. P. 190.)*

⁹ См.: *Adamo S. Dostoiëwskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945). Udine, 1998. P. 47; ср. также Попова З. М. Русско-итальянские связи. Вторая половина XIX века. М.: Наука, 1973. С. 232.*

ной фазе истории восприятия русской литературы в Италии, в том числе в популяризации творчества Достоевского, несомненны.

Долго итальянская критика увлекалась «русской экзотикой» и очарованием «ужасного» и «безобразного» и не могла избавиться от своих схем восприятия, хотя неординарность и поразительное новшество произведений Достоевского признавались все чаще. Не случайно первые примеры заимствования мотивов Достоевского в итальянской литературе касаются именно поверхностного созвучия ситуаций, охарактеризованных экстремальностью чувств, угрызениями совести героев, преступивших дозволенные границы, болезненным состоянием душ: такого рода заимствования можно найти, например, в творчестве Л. Капуаны (L. Capuana) и Г. Деледды (G. Deledda)¹⁰. Проникновение сюжетов и мотивов произведений Достоевского (в основном «Преступления и наказания» и «Кроткой») в итальянскую литературу рубежа XIX–XX вв. было настолько стремительным, насколько оставалась непонятной и непринятой его поэтика.

Самым первым в Италии уловил актуальность русского писателя молодой еще Г. Д'Аннунцио (G. D'Annunzio)¹¹. В начале 1890-х гг. он публикует романы «Джованни Эпископо» («Giovanni Episcopo», 1891) и «Невинная жертва» («L'innocente», 1892), в которых видно сильное влияние Достоевского. В коротком романе «Джованни Эпископо» текстуральные совпадения с «Кроткой» были настолько ясны, что их сразу заметил Капуана. Последовали жесткие дискуссии за и против Д'Аннунцио, которого некоторые критики стали прямо обвинять в плагиате. Достоевский тогда впервые оказался в центре внимания итальянской критики, но настоящей мишенью были эгоцентризм Д'Аннунцио и его спорная популярность¹². Надо признать безошибочную интуицию Д'Аннунцио и его способность воспринимать произведения Достоевского на новом уровне, противопоставляя русского писателя наследни-

¹⁰ Ср. Колуччи М. Достоевский и итальянская культура // *Dostojevskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983; Володина И. П. Проблема преступления и наказания в итальянской литературе на рубеже XIX–XX вв. // *Вестник ЛГУ*. Сер. 2. 1990. Вып. 1. С. 32–39; Володина И. П. Грация Деледда и Достоевский (к искуплению) // *Литература в контексте культуры*. Сер. Проблемы зарубежных литератур. 1999. Вып. 5. С. 217–224.

¹¹ См.: *Paratore E. D'Annunzio e il romanzo russo* // *Nuovi studi dannunziani*. Pescara, 1991. P. 150–168; *De Michelis C. G. D'Annunzio, la Russia, i paesi slavi* // *D'Annunzio europeo. Atti del convegno internazionale: Gardone Riviera — Perugia, 8–13 maggio 1989*. A cura di P. Gibellini. Roma, 1991. P. 317–327.

¹² Впрочем, обвинения в плагиате были необоснованными: в «Джованни Эпископо» Д'Аннунцио ведет своеобразную переработку тем и нюансов, взятых из трех-четырех произведений Достоевского, и кое-где доходит до перефразирования, если не до явной цитаты; но результат по сути имеет мало общего с поэтикой Достоевского, которой чужд виртуозный эстетизм Д'Аннунцио и его подчеркивание исключительно сенсальной стороны психологии героев. Чутье Д'Аннунцио, предугадавшего ключевые пути развития прозы, проявленные в творчестве Достоевского, стоит значительно выше конкретной реализации его замыслов в дух романов (ср. *De Michelis E. Dostoevskij nella cultura italiana* // *Dostojevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 168–175).

кам итальянского «веризма» и французского «натурализма»: Достоевскому — «русскому Золя» (как часто называла его критика) Д'Аннунцио противопоставил Достоевского — предшественника символизма. Таким образом, Д'Аннунцио перевернул полюс натуралистического и позитивистского восприятия творчества Достоевского, и иррациональные, болезненно-сенсуальные («декадансные»), метафизические черты из отрицательных стали положительными, способствующими переоценке произведений русского писателя. Но подобная переоценка, вскоре получившая популярность в связи с зарождением декаданса и символизма в России и во всей Европе, в Италии не получила особого распространения, несмотря на то что с начала XX в. в итальянской культуре появляются признаки приближения к общеевропейским тенденциям благодаря деятельности новых литературных журналов и появлению таких передовых личностей, как Бенедетто Кроче и Луиджи Пиранделло. Произведения Достоевского в этот период переводят всё больше, часто уже с подлинников, о нем пишут журнальные статьи. Если оценка Достоевского-художника остается в основном отрицательной, то растет внимание к Достоевскому-мыслителю, «политику». Это проявляется в подчеркивании метафизических сторон творчества писателя, переводах его публицистики, обзорах-эссе Мережковского и, позже, Шестова (сделанных по французским и немецким переводам), встречающихся в печати. Влияние немецкой критики уже преобладает над влиянием французской. Зачастую неверное представление о философской и «мистической» стороне личности писателя становится признаком «русскости», в основном под знаком отрицания. Кроче с намеком на Достоевского говорит о «религиозном романтизме русских», Дж. Преццолини (G. Prezzolini) в журнале «Голос» («La Voce», 1912) угадывает в еще «первобытном» понимании зла у героев Достоевского основной эстетический элемент русской литературы в целом, а публикующиеся на страницах того же журнала Дж. Папини (G. Papini) и А. Соффичи (A. Soffici) подпадают под обаяние «антилитературного» и «антиэстетического», по их мнению, гения Достоевского, которого хотя и оценивают негативно, но при этом стараются раскрыть суть его уникальности¹³. Относительно положительную и оригинальную оценку дает в журнале «Трибуна» («La Tribuna», 1912) критик Чекки (E. Cecchi), который в Достоевском видит толкователя «чувства духовной неиссякаемости факта жизни» и писателя, сумевшего преодолеть духовный раскол Данте, Шекспира и Гёте, составившая новое внутреннее единство во имя страданий Христовых¹⁴.

¹³ Подробнее см.: *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 72–73. Скрытое влияние Достоевского на ключевое произведение Папини «История Христа» («Storia di Cristo», 1921) было замечено Р. Казари: *Casari R. Papini e Dostoevskij. Riflessioni in margine all'epistolario G. Papini — O. Resnevič Signorelli // Quaderni del dipartimento di linguistica e letterature comparate*. Bergamo, 1988. P. 54.

¹⁴ Ср. *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 76.

Нравственные, философские и психологические мотивы творчества Достоевского «приглашали к спору» итальянских литераторов, тщетно пытавшихся найти ему место в общепризнанной в Италии культурной системе. Зато целый ряд существенных параллелей связывает с творческими концепциями Достоевского двух самых выдающихся и современных итальянских писателей первой половины XX в. — Луиджи Пиранделло и Итало Звево (Italo Svevo)¹⁵.

Препятствовало преодолению предубеждений и беспристрастному признанию гения Достоевского также и то, что в первое двадцатилетие XX в. жанр романа в Италии уступал в престижности элитарным, эстетизированным поэтическим жанрам. Это одна из причин, объясняющих множество нападок на искусство Достоевского со стороны личностей первой величины в тогдашней Италии: творчество русского романиста называли верхом антипоэзии, обвиняя писателя в недопустимой небрежности в форме и в том, что в его произведениях философские и социальные элементы преобладают над эстетическими. А. Соффичи в журнале «Голос», определявшем в те годы главное направление развития итальянской литературы, заявил, что «Достоевский чувствовал и сочинял с невероятной силой, но излагал свои идеи плохо. Он писал бедным и небрежным языком. Не было у него ни ощущения, ни вкуса, ни соблюдения живопишущего и гармоничного слова, которому единственному дано оживлять вовеки видения фантазии»¹⁶.

Достоевский, несомненно, был интересен Соффичи, но только в качестве образцового представителя своего народа, мощного и в то же время хаотичного в своей деятельности, преданного мистицизму и отдаленного от цивилизации. Достоевский признавался великим в плане выражения этой стихийности, его герои поражали своими патологиями.

Еще дальше пошел поэт Дж. Унгаретти (G. Ungaretti), который в 1922 г. посвятил русскому писателю статью, показывающую фактическую неосведомленность и некомпетентность суждений тогдашней итальянской критики. Поэт видел в произведениях Достоевского «безмерную смесь невинности и безумия», туманность и избыточность — те качества, которые, по его мнению, несовместимы с красотой — единственным источником искусства. «Если бы Достоевский был французом, он был бы в лучшем случае каким-то Золя», — так с презрением писал Унгаретти¹⁷, один из лучших итальянских поэтов первой половины XX в. Однако и романисты Р. Баккелли (R. Bacchelli)

¹⁵ Ср. *De Michelis E.* Dostoevskij nella cultura italiana // *Dostoevskij nella coscienza d'oggi.* Firenze, 1981. P. 180–181; *Володина И. П.* Пиранделло и Достоевский // *Вестник МГУ. Сер. 9: Филология.* 1995. № 5. С. 75–83; *Adamo S.* La biblioteca russa di Svevo // *Aghios. Quaderni di studi sveviani.* 2004. N 4. P. 25–53.

¹⁶ *Soffici A.* Dostojewski // *La voce.* 1912. Anno IV, N 4. P. 743.

¹⁷ *Ungaretti G.* A proposito di un saggio su Dostojewski // *La Ronda.* 1922. Gennaio. Anno I. P. 68–69.

и К. Альваро (K. Alvaro) в тот момент выступали против Достоевского, ставшего чуть ни символом нарушения мнимой гармонии изолированного «царства красоты», с которым ассоциировалась для многих художественная литература Италии. Баккелли не полностью отвергал Достоевского, но противопоставлял ему Толстого, поэтике которого он подражал при создании эпического романа. Альваро критиковал и Достоевского, и Толстого за отсутствие европейского «платонического» понятия об искусстве и о его целях, притом он поставил себе задачей популяризацию творчества Достоевского и перевел «Бобок» и «Вечного мужа»¹⁸.

Судя по настороженным реакциям, творчество Достоевского подействовало на итальянскую культуру тех лет, как камень, брошенный в пруд. Несмотря на то что большинство суждений были отрицательными, шел важный процесс принятия творчества этого писателя, никак не вписывающегося в схемы итальянской словесности. Откровенному признанию литературного таланта Достоевского в Италии долго препятствовал ряд культурных предубеждений и недостаточное знакомство с его личностью и произведениями; но прежде всего «мешал» его своеобразный и неровный стиль повествования, часто «изуродованный» переводчиками.

Ситуация изменилась в 1920-е гг., когда критик П. Гобетти (P. Gobetti) первым в Италии увидел в Достоевском не политика, не мыслителя-пророка из чужой и отдаленной страны, а сознательного художника и великого трагика в самом классическом смысле этого слова. В ряде статей, опубликованных в 1921 г., Гобетти отвергал распространенное мнение о стилистической небрежности Достоевского и о преимущественно философском значении его произведений: «Никакой философии в Достоевском нет: он неспособен объективно интересоваться какой-либо теорией <...>. Его воображение было вихрем, но он умел им овладеть и распоряжаться. Тем не менее он никогда не смел писать, не признав первоначального дрожания — той нерешительности, которая дорога творцу, боязни того, чтобы выражение не вышло несоответствующим, настолько прижимала его внутри фантастическая материя. Он владел в совершенстве всеми литературными приемами, но был ими полностью недоволен»¹⁹.

Окончательная переоценка творчества Достоевского произошла не без помощи его анализа, проведенного Гобетти в 1920-х гг. Это были годы формирования итальянской славистики, создания первых кафедр русистики и издания специализированных журналов, на страницах которых нашло свое поприще первое поколение профессиональных лите-

¹⁸ См.: *De Michelis E.* Dostoevskij nella cultura italiana // *Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 188–189.

¹⁹ *Gobetti P.* Paradosso dello spirito russo e altri scritti sulla letteratura russa. Torino, 1969. P. 97. (Впервые: *Gobetti P.* Dostoevskij classico // *Paradosso dello spirito russo*. Torino, 1926.)

ратуроведов, уже в совершенстве владеющих русским языком и глубоко знающих русскую культуру и литературу, в первую очередь Э. Ло Гатто (E. Lo Gatto)²⁰, Э. Гаспарини (E. Gasparini)²¹, Э. Дамиани (E. Damiani), В. Джусти (V. Giusti), Л. Я. Гинзбург. Эти ученые посвятили Достоевскому целый ряд проницательных статей и монографий, ценных и в плане ознакомления итальянской интеллигенции с русскими и европейскими исследованиями о великом писателе, и в плане вписывания его творчества в контекст итальянской культуры. В то время как развивалась научная деятельность этих первых достоевцев, фундаментальную роль в широком распространении произведений русского писателя сыграло созданное А. Полледро (A. Polledro) в 1926 г. издательство «Славия» («Slavia»), существовавшее до 1934 г. В нем публиковались произведения русской и других славянских литератур в качественных переводах, сделанных непосредственно с оригинала. Деятельность этого популярного издательства, выпускавшего книги огромными тиражами, и распространение элитных славистических журналов позволили существенно изменить отношение итальянцев к творчеству Достоевского в массовом представлении итальянцев, поначалу воспринимавших его как автора модной «болезненной» беллетристики, но теперь признавших писателя классиком мирового значения, и это вопреки идеологическим ограничениям, введенным в тот период фашистской властью по отношению к иностранным литературным произведениям. Один из ключевых моментов этого перехода связан с пятидесятилетием со дня смерти Достоевского, когда Гинзбург подготовил монографический номер журнала «Cultura», в котором были собраны статьи самого Гинзбурга и таких выдающихся русистов, как А. Бем, Д. С. Мирский, В. Познер, Ло Гатто, Э. Дамиани, Джусти²².

Вряд ли является случайностью тот факт, что интерес к творческим приемам и тематике произведений Достоевского испытывали в первую очередь писатели и литераторы, относившиеся критически к весьма ограниченным культурным горизонтам фашистского режима. Если в литературных журналах 1910-х — начала 1920-х гг. преобладала отрицательная оценка «чужого» Достоевского, противоположного «латинскому» духу Италии, то журнал «Солярия» («Solaria») с самого момента своего основания в 1926 г. в поиске *подлинности* за пределами искус-

²⁰ См.: *Maver Lo Gatto A.* Достоевский в исследованиях и переводах Этторе Ло Гатто // *Dostoevsky Studies*. 1983. N 4. P. 165–172.

²¹ Гаспарини посвятил Достоевскому несколько монографий: *Gasparini E.* Elementi della personalità di Dostojevskij. Roma, 1928; *Gasparini E.* Il principe Myskin: una ricerca sul cristianesimo di Dostojevskij. Padova, 1937; *Gasparini E.* Il dramma dell' *intelligencija*: Morfologia della cultura russa. Padova, 1940; *Gasparini E.* Dostoevskij e il delitto. Venezia, 1946.

²² *La Cultura*. 1931. Febbraio. Anno XI, N spec. F. 2. Заслуживает упоминания и библиография самого Гинзбурга, автора различных статей и предисловий к переводам произведений Достоевского (см. *Ginzburg L.* Scrittori russi. Torino, 1948).

ственных категорий и традиционных правил итальянского культурного дискурса сделал русского писателя одной из центральных фигур своей концепции нравственно сознательной литературы²³. С этого периода позиции творчества Достоевского в итальянской культуре укрепляются, оно становится одной из непреложных составляющих кругозора современной образованной личности. Следовательно, и в литературе оно находит широкое отражение в плане заимствования как мотивов (убийства и покаяния, «слабого сердца», «вечного мужа» и др.), так и художественных приемов. Есть по крайней мере два писателя первой величины, в творчестве которых можно обнаружить конкретное влияние Достоевского: А. Моравиа и К. Э. Гадда. Сам Моравиа не раз говорил о своей приверженности к Достоевскому²⁴, которого он считал главным мастером прозы XX в. «Записки из подполья» он называл основополагающим началом экзистенциализма, произведением, раскрывшим психологию современного человека²⁵. Что касается Гадды, чтение Достоевского послужило ему толчком для развития своих идей о романе как жанре и о постоянно открытом соотношении сферы «романного» с действительностью, становившемся в какой-то мере материей самих романов. С Достоевским его связывало и внимание, уделяемое проблемам ответственности и вины, так как, по словам Гадды, «вина одного — это вина всех»; изучение причин и последствий преступления предполагает «этический анализ сопутствующих причин добра и зла»²⁶.

О теме преступления в творчестве Достоевского написана и монография Гаспарини «Dostoevskij e il delitto». Среди итальянских писателей середины XX в., в произведениях которых ощутимо влияние Достоевского, можно еще отметить У. Бетти, Т. Ландольфи и П.-П. Пазолини²⁷.

Итальянское достоеведение начальных этапов первой половины XX в. достаточно широко и глубоко изучено. А история восприятия литературного наследия Достоевского в итальянской послевоенной и современной культуре, в частности, в критике, — тема, еще не исследованная систематически. О значении Достоевского для современной литературы однажды недвусмысленно высказался романист Г. Пьевене (G. Piovene): «„Dostoevskiana“ — главенствующее течение литературы

²³ Ср. *Adamo S. Dostoevskij in Italia: Il dibattito sulle riviste (1869–1945)*. Udine, 1998. P. 156–166.

²⁴ «Моим учителем был Достоевский», утверждал Моравиа в интервью 1978 г. (*De Michelis E. Dostoevskij nella cultura italiana // Dostoevskij nella coscienza d'oggi*. Firenze, 1981. P. 191. Ср.: *Колуччи М. Достоевский и итальянская культура // Dostoevskij und die Literatur*. Köln; Wien, 1983. С. 431–432).

²⁵ *Martini M. A scuola di esistenzialismo: Moravia allievo di Dostoevskij // Dostoevskij F. M. L'eterno marito*. Torino, 2001. P. 179–182.

²⁶ *Adamo S. Gadda e Dostoevskij // Edinburgh J. of Gadda Studies: First EJGS Conf. Proc.* November 2004.

²⁷ См.: *Martini M. Pasolini e Dostoevskij // Antologia Viuesseux*. Nuova serie. 1995. Maggio — Agosto. Anno I, N 2. P. 103–118.

нашего века <...>. Творчество Толстого составляет для нас, скорее, будущее, нежели прошлое. „Dostoevskiana“ со своими бесчисленными ответвлениями — это наша действительность, а Толстой, — скорее, идеал»²⁸.

Как мы видели, литературоведческие и философские исследования творчества Достоевского, характеризующиеся сначала предвзятой подозрительностью или отсутствием самостоятельности, в 1920-х гг. достигли зрелости, и с тех пор в Италии они никогда не переставали развиваться, что приводило часто к оригинальным результатам. Публикуются эссе и монографии, посвященные самым разным аспектам творчества и мышления Достоевского — с точки зрения литературоведения, истории идей, педагогики, психоанализа, криминологии и т. п. Трудно говорить о конкретных «школах» изучения творчества Достоевского в итальянских университетах и исследовательских центрах, скорее, можно указать на отдельные личности, способные создать вокруг себя небольшие группы продолжателей, придерживающихся тех же исследовательских приемов и обращающих внимание на определенные аспекты творчества писателя.

В моем представлении, одно из самых типичных и, наверное, самых оригинальных направлений итальянского послевоенного достоеведения находится в области философских исследований с ярким религиозным оттенком. Несомненно, в этом просматривается глубокое значение католической культуры в Италии. Но было бы грубой ошибкой ограничиться этим влиянием и заранее «предвкушать» в подобных исследованиях отпечаток односторонности: реальность гораздо разнообразнее. Так или иначе, чтение Достоевского никогда не переставало вызывать целый ряд религиозных и этических вопросов, и итальянское достоеведение сумело отличаться в их изучении оригинальными подходами и значительными результатами. Мы не можем включить в этот перечень знаменитого философа Р. Гуардини (R. Guardini), рожденного в Италии, но сформировавшегося как исследователь в Германии; тем не менее не должны остаться незамеченными совпадения его мировоззрения, основанного на католицизме, с общим фоном культуры страны его происхождения. В любом случае книга Гуардини о Достоевском была переведена на итальянский язык именно в те годы, когда в Италии начали развиваться религиозно-философские исследования творчества русского писателя, и она имела в этом процессе первостепенное значение²⁹.

²⁸ Пьювене Г. Выступление на международной конференции «Лев Толстой» в Венеции // Литературное наследство. 1965. Т. 75, кн. 1. С. 204–205. См. также: Martini M. Mon nom est Fedor Dostoevskij // Guido Piovene: tra realtà e visione / A cura di M. Rizzante. Trento, 2002. P. 141–156.

²⁹ Guardini R. Il mondo religioso di Dostoevskij. Bergamo, 1951 (на немецком: Religiöse Gestalten in Dostojewskij's Werk: Studien über den Glauben. Leipzig, 1939); русский перевод: ЭОН. Альманах старой и новой культуры. Вып. IX: Романо Гвардини. Исследование

Не подлежит сомнению, что, пройдя трагическое испытание войной, итальянские мыслители и писатели обращали внимание в творчестве Достоевского на волнующие их вопросы о природе Зла, о позиции Бога по отношению к несправедливости и насилию. Характерно, что они при этом исходили из различных идеологий: если священник Б. Шульце (B. Schultze) изучал христологию Достоевского, Толстого и других русских писателей с точки зрения католической доктрины³⁰, то подход Р. Кантони (R. Cantoni) был сугубо светским, и литературовед находился под сильным влиянием экзистенциализма. Определив в качестве ключевого центра размышлений Достоевского «Записки из подполья», Кантони в своем эссе «Кризис человека. Мышление Достоевского»³¹ абсолютизирует противопоставление ценностей (христианство и нигилизм, добро и зло) без возможности компромисса: трагизм существования состоит, по мнению Кантони, в том, что сама логика человеческой свободы предполагает противоречивость и тщетность всякого выбора, так что отрицательная сторона бытия становится неизбежной составляющей индивидуальности³². Кантони критикует все метафизические выходы, предложенные Достоевским: «наставительное абстрагирование» Зосимы или Макара, «устарелое теологизирование» писателя, «примитивность» его «русского мессианства»³³.

Идеологическая двуполярность послевоенного мира проявилась и на итальянской почве, где сильное подчеркивание духовного начала Достоевского служило католическим мыслителям средством для полемики с основами советской атеистической культуры, в то время как мыслители-марксисты видели в нем пророка революции. Однако следует заметить, что при естественном влиянии той или иной идеологической тенденции большинство исследователей вели свои размышления тонко и самостоятельно. Одно из ярких свидетельств актуальности Достоевского-«экзистенциалиста» для итальянского послевоенного общества представляет собой цикл радиопередач Э. Пачи (E. Paci) о «Творчестве Достоевского» (1955). Эти лекции пользовались популярностью и были тогда же собраны в одноименную книгу³⁴. Если католических исследователей интересовали прежде всего персонажи

религиозной экзистенции в больших романах Достоевского. Человек и вера. М., 2010). Не менее значимыми были переводы в те же годы книг Шестова, Мережковского и Бердяева: *Berdjaev N. La concezione di Dostoevskij*. Torino, 1945; *Merezkovskij D.S. Tolstoj e Dostoevskij*. Vita. Creazione. Religione. Roma-Bari, 1947; *Šestov L. La filosofia della tragedia: Dostoevskij e Nietzsche*. Napoli, 1950; *Šestov L. Le rivelazioni della morte*. Firenze, 1950. О значении переводных монографий Гуардини, Бердяева и Шестова см.: *Givone S. Dostoevskij e la filosofia*. Roma; Bari, 1984 (2-е изд.: Roma; Bari, 2006).

³⁰ *Schultze B. Pensatori russi di fronte a Cristo*. Firenze, 1947.

³¹ *Cantoni R. Crisi dell'uomo. Il pensiero di Dostoevskij*. Milano, 1948 (2-е изд.: Milano, 1975).

³² Cp. *Ibid.* P. 76.

³³ *Ibid.*

³⁴ *Paci E. L'opera di Dostoevskij*. Torino, 1956.

«Братьев Карамазовых», «Идиота» и «Бесов», а для Кантони (как и для Моравиа) центр творчества Достоевского состоял в «Записках из подполья», то Пачи обнаруживает этот центр в фигуре двойника, связующей все произведения писателя. Двойничество позволяет писателю экспериментировать на своих героях, довести идеи до последних пределов. Художник и его герой — двойники, и сам герой, например Ставрогин, относится к своим теориям как художник, творец идей. Искусство становится, таким образом, орудием философии, поскольку автор работает со «смыслом существования»³⁵.

Как особо ценные и оригинальные следует упомянуть философские работы Л. Парейсона (L. Pareyson) и его ученика С. Дживоне (S. Givone), посвященные прежде всего вопросам этики в творчестве Достоевского. Парейсон, ставший учителем, среди прочих, для Умберто Эко и Джанни Ваттимо, еще до Второй мировой войны одним из первых ввел экзистенциализм в итальянский философский дискурс. Парейсон скоро стал обращать внимание на то, что, не будучи философом, Достоевский поднял в своих произведениях ряд принципиальных этических вопросов. И именно оттого, что писатель подошел к ним с точки зрения художника, а не философа, ему удалось показать их с неожиданной точки зрения. Только в 1966 г. Парейсон представил первые выводы своих десятилетних размышлений над творчеством русского писателя, посвятив ему курс в университете Турина³⁶. Главный фокус анализа Парейсона — этическое мышление Достоевского. В основе размышлений итальянского философа стоят эссе Шестова и Бердяева, при этом Парейсон полностью отступает от их выводов. Он анализирует три ключевых момента человеческого существования: переживание добра и зла; бремя свободы, опыт которой является центральным в жизни человека; и опыт общения с Богом. Посредством Достоевского и его героев (в первую очередь на материале поэмы «Великий инквизитор» в романе «Братья Карамазовы»), Парейсон показывает, что происходит с человеком тогда, когда он злоупотребляет свободой, выбирая зло и ставя себя на место Бога. Безудержное упоение свободой ведет к разрушительному Ничему. Путь этики ведет к метафизике: корень этики — это генерирующая страдание связь между Богом и злом. Парейсон говорит об «атеистическом моменте Божества», когда Бог, вочеловечившись, допускает раздор и противоречия, грех и смерть. Проанализировав размышления и поступки героев Достоевского, исследователь делает вывод, что нельзя ограничить роль зла лишением бытия или отсутствием добра: «оно

³⁵ Ibid. P. 21.

³⁶ Конспекты курса были тут же собраны и опубликованы: *Pareyson L. Il pensiero etico di Dostoevskij*. Torino, 1967. Философ продолжал работать над темами Достоевского до конца жизни, так и не завершив свою монографию, которая была опубликована посмертно в том — впрочем, почти окончательном — варианте, на котором он оставил работу над ней (*Pareyson L. Dostoevskij: filosofia, romanzo ed esperienza religiosa*. Torino, 1993).

имеет свою сознательную положительность, приводящую к неограниченной свободе». Зло — «начало *мятежное* по отношению к Абсолютному Существо... оно есть явно и положительно сопротивление, бунт, восстание, более того — неприятие, отторжение, отказ»³⁷. Таким образом, зло хоть и не существует в плане абсолюта, но может действовать в плане конечного и относительного, как паразит, который, эксплуатируя конечное в виде «онтологической опоры», становится «болезнью бытия, приводящей к разрушению и к смерти»³⁸.

Одна из лучших частей монографии Парейсона посвящена теме «бесполезного страдания». Достоевский усвоил и своеобразно описал христианскую концепцию страдания как искупления и очищения; он также заметил «человеческое расположение к страданию, одновременно раскрывая его характерную амбивалентность <...>. Достоевский — мастер в анализе этого мазохизма в высшей степени, который состоит во вкусе страдания и в наслаждении страданием»³⁹. Однако это соответствие страдания и наслаждения, основанное на активном осознании причин и последствий страдания как искупления и очищения, отсутствует в случае «бесполезного», излишнего страдания, в первую очередь касающегося детей. Парейсон, как правило, обращается к аргументации Ивана Карамазова. Заключим, что Иван гораздо точнее, чем Ницше, сформулировал самую законченную и логичную философию современного нигилизма. Неоправданность детского страдания, согласно Ивану, несовместима с самим существованием Бога (а не просто с вопросом о Его доброте или жестокости). Но, по мнению Парейсона, Достоевский через других героев романа дал ответ на тезисы Ивана, уничтожающая философия которого — а это главное — последовательно превращается в философское самоуничтожение в тот момент, когда с банализацией дьявола она завершит свое погружение в действительность: «Атеизм будет постепенно терять рычащую ярость бунта или бешеный порыв протеста, или студеный блеск богохульства, но это опускание не будет упадком, а совершенным осуществлением атеизма в нигилизме <...>. Это у него обыденный и спокойный вид нигилизма, во всем соответствующий банализованному, и поэтому побеждающему, бесу: это настолько всеобщее и тотальное отрицание, что полностью идентифицируется с действительностью <...>. Но религиозность, выгнанная из действительности, приютится в самой сердцевине личной жизни; и когда отрицание до того тотально, что полностью идентифицируется с действительностью, нет другого места для религиозного духа, если не в из ряда вон выходящем и необычном виде отчаяния и разложения личности»⁴⁰.

³⁷ Pareyson L. Dostoevskij: filosofia, romanzo ed esperienza religiosa. Torino, 1993. P. 65.

³⁸ Ibid. P. 66.

³⁹ Ibid. P. 171.

⁴⁰ Ibid. P. 194–195.

Эта глубокая трактовка Парейсона нашла достойное продолжение в работе Дживоне, который в 1984 г. выпустил первое издание монографии «Достоевский и философия»⁴¹. Книга состоит из двух разделов. В первом исследователь блестяще показывает, «как современная философия прочитала Достоевского», он анализирует с равным вниманием труды русских и европейских мыслителей, которые обратились к творчеству Достоевского (в том числе рисуя историю итальянского философского достоевведения). Второй раздел книги посвящен оригинальным исследованиям воззрений русского писателя в области эстетики, этики и теории. Дживоне старается приблизиться к сути мышления самого Достоевского, но надо отдать ему должное — он избегает попытки систематизировать взгляды писателя. Мышление Достоевского — это интуиция художника и гения, которая сумела стимулировать философские изыскания и до сих пор дает философам материю для бесконечных открытий и размышлений⁴². Среди тем, изученных Дживоне, стоит напомнить тему «комизма преступления и трагизма искупления», а в частности то, что Дживоне называет «парадоксом Раскольникова»: преступление является уже собственным искуплением⁴³.

В числе исследований философского характера, посвященных творчеству Достоевского, следует упомянуть еще своеобразную монографию «Карамазовы между По и Вико»⁴⁴, написанную венгром по рождению, но проживающим в Италии историком философии А. Фаем (A. Faj). Возможно, Фай первым изучил взгляды на историю, принадлежавшие философу Дж.-Б. Вико (G.-B. Vico) и распространившиеся в России во второй половине XIX в. Исследователь показывает неожиданное влияние теории исторических циклов неаполитанского философа на самого Достоевского. Работа Фая местами очень интересна и богата идеями. В то же время его выводы кажутся часто слишком односторонними. Например, рассуждая о генетическом влиянии на творчество русского писателя, с одной стороны, философии Вико, а с другой — рассказов Э.А. По, автор не считает нужным доказывать эти связи примерами из текстов произведений. Исследуя «Братьев Карамазовых», Фай отождествляет отца и каждого из четырех братьев с одним из пяти исторических циклов Вико, исключая всё, что не вписывается в викианские тезисы автора. В связи с этим во имя монологического толкования мышления Достоевского (без права самостоятельности

⁴¹ *Givone S. Dostoevskij e la filosofia*. Roma-Bari, 1984 (2-е изд.: Roma; Bari, 2006).

⁴² Некоторые интерпретации «религиозной диалектики» Достоевского относятся к «самым интересным выводам европейской философии» и — пишет Дживоне — «к толкованию, способному *диалектически* состыковать оба различных аспекта мышления Достоевского — радикальное сомнение и веру, нигилизм и христианство — ведут такие сами по себе далекие друг от друга исследования, как розановское <...> или же парейсоновское» (Ibid. P. VIII).

⁴³ Ibid. P. 103–115.

⁴⁴ *Faj A. I Karamazov fra Poe e Vico*. Napoli, 1984.

персонажей), резко опровергается полифонический диалогизм, выявленный еще Бахтиным.

Философские аспекты творчества писателя продолжают интересовать итальянских исследователей и по сей день. Отметим среди прочих монографию Д. Пачини (G. Pacini) «Шваховат в философии: очерк о мышлении Федора Михайловича Достоевского», тема которой — уровень философских знаний Достоевского и его неспособность принимать идеи последовательно философским подходом⁴⁵; а также ряд книг, посвященных связям философии XX в. с творчеством и мышлением русского писателя⁴⁶.

Сильный и неослабевающий интерес к исследованиям Достоевского в Италии демонстрируют католические ученые центры. Главным в этом отношении является «Чентро Руссия Кристиана», основанный в городке Сериате (Бергамо) в 1957 г. с целью изучать духовное наследие России и противостоять влиянию советского атеизма, публикуя религиозную литературу, в том числе труды отцов русского духовного мышления, в издательстве «La casa di Matriona» («Матренин двор») и на страницах журнала «La nuova Europa» («Новая Европа»).

Толкование творчества Достоевского с религиозных позиций берет свое начало в философии Вл. Соловьева, в том, как Соловьев интерпретировал идеи своего друга-писателя, но оно не исключает и влияния идей других русских религиозных мыслителей (Бердяева, Розанова, Шестова)⁴⁷. Самый выдающийся достоевед центра — А. Делл'Аста (A. Dell'Asta)⁴⁸.

Первенство в итальянском достоеведении следует, вероятно, отдать исследованиям философского характера, но это совсем не значит, что не хватает работ высокого уровня и в области литературоведения.

⁴⁵ Pacini G. Deboluccio in filosofia: saggio sul pensiero di Fedor Michajlovič Dostoevskij. Milano, 1997.

⁴⁶ См.: Un artista del pensiero. Saggi su Dostoevskij / A cura di G. Gigante. Napoli, 1992; Belloli P. G. Fenomenologia della colpa: Freud, Heidegger, Dostoevskij, con un saggio di A. G. Conte. Milano, 2001; Nietzsche e Dostoevskij. Origini del nichilismo / A cura di C. Ciancio, F. Vercellone. Torino, 2001; *Oppo A. Dostoevskij: La Bellezza, il Male, la Libertà // XÁOS. Giornale di confine*. 2003. Anno II, N 1/3 [Электронный ресурс] http://www.giornalediconfine.net/anno_2/n_1/20.htm (дата обращения 07.01.14); *Vitiello V. Cristianesimo e nichilismo: Dostoevskij–Heidegger*. Brescia, 2005; и др.

⁴⁷ См. хрестоматию: *Il dramma della libertà. Saggi su Dostoevskij*. Milano, 1991. Журнал «La nuova Europa», помимо множества статей в течение нескольких лет, посвятил Достоевскому специальный номер (1997. N 4).

⁴⁸ Среди них: *Dell'Asta A. Una parola all'estremità del silenzio: Il Cristo teologico di Dostoevskij // Communio*. 1981. N 55: Strumento internazionale per un lavoro teologico. P. 71–90; *Dell'Asta A. Dostoevskij e l'iconicità // Dostoevskij e la questione dell'altro*. Milano, 1990. P. 7–20; *Dell'Asta A. La terribile bellezza di Dostoevskij // Dostoevskij*. Milano, 1997. P. 19–30; *Dell'Asta A. La resurrezione: chiave della letteratura, delle arti e della cultura russa. L'esempio di Dostoevskij // Il corpo glorioso. Il riscatto dell'uomo nelle teologie e nelle rappresentazioni della resurrezione / A cura di C. Bernardi, C. Bino, M. Gragnolati*. Pisa, 2006. P. 61–70.

По их числу библиография весьма богата, поэтому остановимся только на нескольких лучших достижениях последних десятилетий.

Особое место занимает итальянист Э. Де Микелис (E. De Michelis), тончайший филолог и эрудит, который в течение всей своей исследовательской жизни посвящал книги и статьи поэтике Достоевского и восприятию его творчества в итальянской литературе. Главная работа Де Микелиса — книга 1950 г. «Достоевский»⁴⁹, в которой критик предлагал путь строго филологического и текстологического исследования творчества писателя во избежание всех форм идеологизированной интерпретации его художественного наследия. Некоторым критикам — писал Де Микелис в предисловии книги — «понравилось плавать в Достоевском — „океане без начала“ <...>, утопив понимание в своего рода мистицизме и так же, как это произошло с Данте, забывая поэта для того, чтобы превозносить пророка»⁵⁰. Де Микелис требует внимания к тексту, не настаивает на определенных интерпретациях; несмотря на свое незнание русского языка (для перевода источников он обращался к помощи Ло Гатто и других русистов), изучает произведения Достоевского с филологическим чутьем итальяниста, не случайно упоминая другого великого «властителя дум» — Данте. Де Микелиса творчество Достоевского в целом интересует не меньше, чем отдельные его произведения. Мелкие нюансы этих произведений и их сопоставление с литературными произведениями других стран (в первую очередь Италии) Де Микелис провел во второй своей книге «Малые произведения Достоевского»⁵¹ и в ряде журнальных статей.

Тщательный сопоставительный анализ — одна из лучших черт работ Де Микелиса. Вообще компаративистика была одной из любимых «территорий» итальянского достоевведения. До относительно недавнего времени представители этого направления исследований в поиске «влияний» не выходили за традиционные и привычные для итальянской филологии рамки генетического сопоставления. Самый характерный в этом смысле пример — монография А. Гуарниери Ортолани (A. Guarnieri Ortolani) «Очерк о судьбе Достоевского в Италии»⁵², настолько же богатая информацией, насколько ограниченная схемой, согласно которой в поле зрения исследовательницы входит лишь то, что можно назвать прямым тематическим влиянием Достоевского на итальянских писателей. Тщетность такого рода сопоставления в случае Пиранделло ярче всего показывает неудовлетворительность подхода.

Но несмотря на недостатки, итальянская компаративистика давала иногда и интересные результаты: помимо цитированных работ Де Микелиса, в частности о влиянии Достоевского на Ф. Тоцци (F. Tozzi)⁵³,

⁴⁹ *De Michelis E. Dostojevskij. Firenze, 1950.*

⁵⁰ *Ibid. P. 1.*

⁵¹ *De Michelis E. Dostojevskij minore. Firenze, 1954.*

⁵² *Guarnieri Ortolani A. Saggio sulla fortuna di Dostojevskij in Italia. Padova, 1947.*

⁵³ *De Michelis E. Saggio su Tozzi. Firenze, 1936. P. 77–82.*

можно указать статью выдающегося исследователя французской литературы Д. Маккиа (G. Macchia) «Достоевский и Пруст»⁵⁴ или статью Гуарниери Ортолани «Достоевский и Ландольфи»⁵⁵. Только относительно недавно итальянские компаративисты значительно расширили свое поле зрения, допуская типологический и морфологический анализ и активно работая в областях интертекстуальности и теории перевода. Об этом свидетельствуют среди прочих работа слависта Р. Пиккьо (R. Picchio) о Достоевском и Любене Каравелове, «эразмианское» исследование С. Грациотти (S. Graciotti) о культурных прототипах «Идиота»⁵⁶, статьи И. Верча (I. Verç) о Достоевском и Леонове, С. Гардзонио (S. Garzonio) о влиянии творчества Карамзина на произведения Достоевского, С. Алоэ (S. Aloe) о типологических параллелях между творчеством Достоевского и литературой испанского барокко и об отношениях аргентинских прозаиков к творчеству русского писателя, С. Адамо (S. Adamo) об отношении Звево и Гадды к творчеству Достоевского⁵⁷ и, наконец, работы таких знаменитых «неславистов», как Р. Барилли (R. Barilli) о Звево, С. Перозы (S. Perosa) о восприятии Достоевского в английской и американской литературах, П. Читати (P. Citati) о связях его произведений с европейским романом XIX в.⁵⁸

Интерес к Достоевскому с точки зрения истории идей и общества, проявлявшийся на первых этапах распространения его творчества в Италии, сохранился и на этапе расширения литературоведческих исследований и с ними «контаминировался», получив таким образом более глубокие основы и возможность развиваться по многим

⁵⁴ *Macchia G.* Dostojevskij e Proust // Il romanzo russo nel sec. XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa Occidentale. Colloquio italo-sovietico. Atti dei convegni dei Lincei. Roma, 1978. P. 127–140. Об этой теме см. также: *Rebecchini D.* Proust e l'«Idiota» di Dostoevskij. Analisi di un percorso di lettura // Quaderni Proustiani. Napoli, 2002. P. 7–25.

⁵⁵ *Гуарниери Ортолани А.* Достоевский и Ландольфи // *Dostoevsky Studies*. 1981. N 2. С. 163–168.

⁵⁶ *Пиккьо Р.* Мертвый дом Достоевского и Каравелова // *Revue des études slaves*. 1981. Vol. 53, N 4. P. 587–595; *Graciotti S.* Dostoevskij e l'elogio dell'«idiotia» // *Dostoevskij e la crisi dell'uomo* / A cura di S. Graciotti, V. Strada. Firenze, 1991. P. 421–440.

⁵⁷ *Верч И. К.* вопросу о так называемой «традиции» Достоевского в двух редакциях романа «Вор» // *J. M. Leoнова* // *Dostoevsky Studies*. 1981. N 2. С. 119–128; *Garzonio S.* Alcuni dati sulla presenza dell'opera di Karamzin in Dostoevskij // *Gli orizzonti della creazione. Studi e schede di letteratura russa*. Bologna, 1992. P. 125–136; *Алоэ С.* Достоевский и испанское барокко // *Достоевский и мировая культура*. 1998. N 11. С. 76–94; *Алоэ С.* «Una especie de lamellos metafisico»: Достоевский и русский роман как литературный миф в творчестве Хулио Кортасара и Эрнесто Сабао // *F. M. Dostoevsky in the Context of Cultural Dialogues* / A cura di K. Kroó, T. Szabó. Budapest, 2009. P. 15–26; *Adamo S.* Gadda e Dostoevskij // *Edinburgh J. of Gadda Studies: First EJGS Conf. Proc.* November 2004.

⁵⁸ *Barilli R.* Svevo tra il «moderno» Zola e il «postmoderno» Dostoevskij // *Italo Svevo tra moderno e postmoderno* / A cura di M. Buccheri, E. Costa. Ravenna, 1995. P. 45–50; *Perosa S.* Dostoevskij in Inghilterra e in America // *Comparatistica: annuario italiano*. 1989. Anno 1. P. 71–82 (переиздано в кн.: *Perosa S.* *Transitabilità*. Palermo, 2005); *Citati P.* *Il male assoluto. Nel cuore del romanzo dell'Ottocento*. Milano, 2000.

направлениям. Очень показательна в этом смысле одна из первых послевоенных монографий о русском писателе — работа Джусты «Достоевский и русский мир XIX века»⁵⁹. Историзм Джусты направлен на сопоставление истории идей в России и в Европе, а творчество Достоевского служит ему весьма показательным образцом этой истории. Научный подход Джусты считается сегодня в основном устаревшим — слишком далеки от ученого оригинальные тексты и язык Достоевского (для анализа произведений исследователь пользуется исключительно переводами). И уже сразу после выхода в свет этой книги Де Микелис увидел в ней помимо ряда положительных качеств «грех» схематизма⁶⁰.

Такие недостатки в изучении отношений между концептуальным миром Достоевского и идеями его эпохи были преодолены исследователями, обладающими хорошей филологической и языковой подготовкой. Приемы современного литературоведения, а также усиленное внимание к текстологическим аспектам и к соотношению между текстом и контекстом привели к методологически уравновешенному анализу таких тем, как всегда популярный в Италии нигилизм или каторга в «Записках из мертвого дома», политические взгляды Достоевского-публициста и т. п. Выделяется в этой области исследований фигура самого известного итальянского русиста — В. Страды (V. Strada), который посвятил творчеству и идеологическому миру Достоевского важные работы и способствовал развитию международного достоевведения в 1980–1990-х гг. Поддерживая связь между выдающимися учеными разных стран, он пригласил их печататься в своем журнале «Россия/Russia» и принять участие в большой конференции о русском писателе, организованной им вместе с Грачиотти в Венеции в 1981 г. (речь об этом пойдет далее).

В работах самого Страды изучены различные аспекты творчества Достоевского как художника и мыслителя: если в «Проблеме „Преступления и наказания“» (1966) Страда углублялся в анализ мотиваций Раскольникова и теоретические основы его «наполеонизма», то позже он обратился прежде всего к теме сверхчеловека (буквально *Superuomo*) и характеристикам образа революционера в произведениях русского писателя⁶¹.

Среди исследований, в которых уделено особое внимание публицистической стороне творчества Достоевского и его социополитическим аспектам, можно упомянуть работы Р. Валле (R. Valle) и Г. Карпи

⁵⁹ *Giusti W.* Dostoevskij e il mondo russo dell'800. Napoli, 1952.

⁶⁰ *De Michelis E.* Guardini e Giusti // Dostoevskij minore. P. 93–97.

⁶¹ *Strada V.* Il problema di *Delitto e castigo* // Tradizione e rivoluzione nella letteratura russa. Torino, 1969. P. 37–83; *Strada V.* Il superuomo e il rivoluzionario nella prospettiva di Dostoevskij: «Bobok» // Dostoevskij e la crisi dell'uomo. P. 163–177. См. также: *Strada V.* Immagini di Dostoevskij // Le veglie della ragione. Miti e figure della letteratura russa da Dostoevskij a Pasternak. Torino, 1986. P. 15–77; *Strada V.* Etica del terrore: Da Fëdor Dostoevskij a Thomas Mann. Roma, 2008.

(G. Carpi)⁶². В последние годы почти одновременно были защищены две очень серьезные диссертации, обе на материале «Дневника писателя», анализирующие прежде всего стиль и язык Достоевского-публициста⁶³. Разбору писем, посланных Достоевским из Петропавловской крепости, и концептуальному соотношению заточения и творчества недавно посвятила статью Ч. Де Лотто (C. De Lotto)⁶⁴.

Различные аспекты поэтики писателя были затронуты в огромном числе работ итальянских исследователей за последние пятьдесят лет, и этот объем затрудняет задачу нашего очерка. Многие итальянские русисты занимались творчеством Достоевского хотя бы эпизодично; правда, относительно немногие сделали его ведущей темой своих исследований. Интерес к собственно поэтике Достоевского возрос в конце 1960-х гг., чему способствовали организаторы ряда значительных конференций, первая из которых — «Достоевский в сегодняшнем сознании» — под руководством Грачиотти, состоялась в Венеции в 1972 г.⁶⁵ Столетняя годовщина смерти писателя имела в Италии огромный резонанс, в том числе благодаря конференциям международного уровня. В первую очередь упоминаем IV симпозиум Международного общества Достоевского, организованный в Бергамо в 1980 г. благодаря энтузиазму Н. М. Каухчишвили. Нина Михайловна, создательница настоящей

⁶² Valle R. *Dostoevskij politico e i suoi interpreti: l'esodo dall'Occidente*. Prefazione di V. Strada. Roma, 1990; *Carpi G.* «Umanità universale». Le radici ideologiche di Dostoevskij. Pisa, 2001; *Carpi G.* Ф. М. Достоевский и судьбы русского дворянства (по роману «Идиот» и другим материалам) // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: современное состояние изучения. М., 2001. С. 482–507; *Carpi G.* Dostoevskij economista // Studi Slavistici. 2005. Anno 2. P. 97–118; *Carpi G.* «Умственная оргия». Ф. М. Достоевский и А. М. Унковский // Вопросы литературы. 2005. N 5. С. 202–221.

⁶³ Основные выводы этих диссертаций опубликованы: *Vassena R.* Reawakening National Identity. Dostoevskii's *Diary of a Writer* and Its Impact on Russian Society. Bern, 2007; *Vassena P.* «Русская идея» читателей в сознании «рассуждающих» и «нерассуждающих» читателей (из истории восприятия Дневника писателя за 1876–1877 гг.) // Достоевский и мировая культура. 2004. №20. С. 193–211; *Vassena P.* «Вы не можете не сочувствовать нам, бедным студентам...»: письма студентов к Достоевскому // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 17. СПб., 2005. С. 325–345; *Vassena P.* The Jewish question in the genre system of Dostoevskii's *Diary of a Writer* and the problem of the authorial image // Slavic Review. 2006. Vol. 65, N 1. С. 45–65; *Paolini S.* L'elemento autobiografico nel *Diario di uno scrittore* di F. M. Dostoevskij // Europa orientalis. 2004. Vol. 2. P. 173–197; *Paolini S.* Dostoevskij e il byronismo: osservazioni dalla pubblicistica e dal *Diario di uno scrittore* // Nuovi Quaderni del C.R.I.E.R. Anno I. Verona, 2004. P. 155–176; *Paolini S.* Il tempo narrato nel *Diario di uno scrittore* di F. M. Dostoevskij, luogo di memoria e di giudizio // Immagini di tempo: Studi di slavistica / A cura di P. Tosco. Verona, 2010. P. 169–178.

⁶⁴ *De Lotto C.* Dostoevskij. Lettere dalla fortezza // «Le loro prigioni»: scritture dal carcere. Atti del Colloquio internazionale / A cura di A. M. Babbì, T. Zanon. Verona, 2007. P. 257–290.

⁶⁵ Материалы конференции увидели свет только в 1981 г.: Dostoevskij nella coscienza d'oggi. Firenze, 1981. Среди авторов — В. Б. Шкловский, М. П. Алексеев, А. Флакер, Ж. Каттё, итальянские слависты Ло Гатто, Пиккьо, Э. Баццарелли, Гаспарини, писатель К. Бо, философ Парейсон и др.

славистической школы в Бергамо и одна из основателей Международного общества Достоевского в 1971 г., пригласила в Италию лучших достоеведов и вовлекла в работу симпозиума целый ряд молодых итальянских русистов⁶⁶. Статьи Каухчишвили о Достоевском всегда оригинальны и тонки. Еще значительнее ее заслуги как педагога и организатора⁶⁷. Фактом остается то, что многие из учеников Каухчишвили с ее подачи занимались поэтикой Достоевского и в следующие годы. Так, например, Р. Казари (R. Casari)⁶⁸ и Дж.-П. Пиретто (G.-P. Piretto)⁶⁹ исходя из приемов семиотики фокусировали внимание в первую очередь на хронотопе Петербурга и некоторых пространственных мотивах в произведениях писателя. Годовщину его смерти отметили крупными конференциями в Милане в 1982 г., в Риме в 1983 г. в престижной Академии деи Линччей⁷⁰, а также в Венеции в 1981 г., под эгидой Фонда «Чини» и под руководством Страды и Грачиотти вместе с выдающимся итальянистом В. Бранкой (V. Branca). Все три конференции прошли с участием знаменитых достоеведов⁷¹. Проведенная в Ассизи

⁶⁶ См. материалы симпозиума, только частично отражающие его работы: *Attualità Dostoevskij*. Genova, 1982, со статьями западных ученых Р. Веллека, Н. Натовой, Р.Л. Бэлкнапа, М.В. Джонса и др., а также со статьями десятков итальянских ученых, среди которых Н.М. Каухчишвили, И. Верч, Дж.-П. Пиретто, Р. Казари и др.

⁶⁷ Как ни странно, Нина Михайловна написала о Достоевском не столь много. Среди ее статей следует упомянуть: *Kauchtschischwili N. L'icone dans l'oeuvre dostoevskienne // Dostoevskij und die Literatur. Vorträge zum 100. Todesjahr des Dichters auf der 3. internationalen Tagung des «Slavenkomitees» in München 12–14. Oktober 1981. Köln & Wien, 1983. S. 123–146; Kauchtschischwili N. Alcuni aspetti specifici della poetica dostoevskiana // Problemi attuali di critica dostoevskiana: atti del convegno tenuto a Milano il 14 e 15 maggio 1982 / A cura di E. Bazzarelli. Milano, 1983. P. 33–55; Kauchtschischwili N. Le portrait littéraire chez Dostoevskij // *Attualità Dostoevskij*. P. 159–213; *Kauchtschischwili N. География либо художественная канва Бесов Достоевского // Slavica Tergestina. 2000. Vol. 8. С. 37–52; Kauchtschischwili N. Dostoevskij e il denaro. Milano, 2007.**

⁶⁸ *Casari R. Купеческий дом: историческая действительность и символ у Достоевского и Лескова // Достоевский. Материалы и исследования. 1988. Т. VII. С. 87–92; Casari R. Di un motivo architettonico-spaziale in Dostoevskij. Le vaste prigioni della mente // Studi slavistici offerti a Alessandro Ivanov nel suo 70° compleanno. Padova, 1992. P. 26–33; Casari R. I silenzi di Rogožin // *Europa Orientalis. 1993. Vol. XII, N 1: Studi in onore di Anjuta Maver Lo Gatto. P. 79–85; и др.**

⁶⁹ *Piretto G.-P. Da Pietroburgo a Mosca: Le due capitali in Dostoevskij, Belyj e Bulgakov. Milano, 1990; Piretto G.-P. Gli «uomini della folla» di Dostoevskij. Senza dimenticare Poe o Hoffmann // Europa Orientalis. 1993. Vol. XII, N 2. P. 91–122; Piretto G.-P. Fessure, fenditure, voragini: le finestre di Dostoevskij // Europa Orientalis. 1996. Vol. XV, N 1. P. 77–101.*

⁷⁰ Академия «Линччей» незадолго до этого организовала итало-советскую конференцию о русском романе (в том числе о Достоевском): *Il romanzo russo nel secolo XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa occidentale.*

⁷¹ Материалы конференции опубликованы под названиями: *Dostoevskij e la sua opera: convegno italo-sovietico. Atti Convegni Lincei. Roma, 1985. Vol. 69.; Problemi attuali di critica dostoevskiana (среди участников — Баццарелли, Каухчишвили, Ж. Нива, Дж. Спендель, Ф. Мальковати, Т. Николеску); Dostoevskij e la crisi dell'uomo (среди иностранных*

в 1984 г. конференция, организованная католическими организациями, также подтвердила актуальность творчества Достоевского⁷². Благодаря международному престижу и связям некоторых итальянских русистов, таких как Грачиотти, Каухчишвили, Э. Баццарелли (E. Bazzarelli) и Страда, все перечисленные конференции отличались высоким уровнем выступлений и большим международным значением.

Италия в годы горбачевской «перестройки» становится связующим узлом между Западом и Востоком, сближает советских и американских ученых, французскую семиотику и Тартускую школу. Бахтиниана и семиотические исследования бурно развиваются, а с открытием границ СССР итальянские университеты все чаще приглашают знаменитых советских филологов и литературоведов на лекции и семинары, а нередко и предлагают им должности доцентов. Итальянская русистика, а в частности «достоевистика», вышла из культурных пределов страны и сильно обогатилась научными контактами. Одним из первых итальянских специалистов по творчеству Достоевского, привлечших к себе внимание на международном уровне, стал И. Верч, автор монографического анализа об употреблении знаменитого наречия «вдруг» в творчестве Достоевского⁷³. Верч поставил перед собой задачу: отталкиваясь от предыдущих интерпретаций этого слова в произведениях Достоевского, доказать, что у писателя «вдруг» — это самое прямое выражение манеры отражать «некоторую особенность „слова нарратора“, а не слова персонажа»⁷⁴. Все чаще итальянские русисты публикуют свои статьи, а иногда и книги за пределами Италии, увеличивая их доступность читателю за счет использования русского или, реже, английского языка. Так, например, монография С. Сальвестрони (S. Salvestroni) о библейских источниках произведений Достоевского, переизданная в русском переводе, получила множество откликов⁷⁵. Также упомянем статью на русском языке Р. Джаквинты (R. Giaquinto) о «Записках из подполья», и статьи о «Хозяйке», опубликованные в России автором настоящего очерка С. Алоэ, помимо этого организовавшим вместе с М. Бёмиг (M. Böhmig) XIII симпозиум Международного общества Достоевского, состоявшийся в Неаполе в 2010 г.⁷⁶

участников — Р. Лахман, Е. Эткинд, И. Серман, Г.С. Померанц, Нива, Ж. Бонамур, Ж. Каттё, Ч. Милош, А. Пятигорский, Д. Фангер, Р.Л. Джексон и др.; среди итальянцев — П. Читати, Э. Параторе, С. Пероза, Де Микелис, И. Манчини и др.).

⁷² См.: *Vaghin E. et alii. Fedor Dostoevskij: Il mistero dell'uomo*. Assisi, 1985.

⁷³ *Verč I. Vdrug. L'improvviso in Dostoevskij*. Trieste, 1977.

⁷⁴ *Ibid.* P. 42–43.

⁷⁵ *Salvestroni S. Dostoevskij e la Bibbia*. Magnano, 2000; в русском переводе: *Сальвестрони С. Библейские и святоотеческие источники романов Достоевского*. СПб., 2001.

⁷⁶ *Джаквинта Р. У нас мечтатели и подлецы. О «Записках из подполья»* Ф. М. Достоевского // *Русская литература*. 2002. №3. С. 3–18; *Алоэ С. «Татарский мотив» в повести «Хозяйка»* // *Поэтика Достоевского. Статьи и заметки*. Rīga, 2007. С. 14–21; *Алоэ С. Внутреннее пространство Ордынова (из наблюдений над повестью «Хозяйка») // Достоевский и мировая культура*. 2007. №23. С. 9–15.

Список работ о Достоевском, вышедших в Италии в течение последних двадцати лет, будет неполным без обзора творчества писателя, который тщательно составил Ф. Мальковати (F. Malcovati); без сделанного Ч. Дж. Де Микелисом (C. G. De Michelis) анализа фигуры дьявола в романах Достоевского. Упомянем монографию Дж. Джиганте (G. Gigante), посвященную снам в произведениях писателя; работы Д. Гини (G. Ghini) о фигуре Иова в романе «Братья Карамазовы» и о различных культурологических аспектах творчества Достоевского; монографию М. Де Микиэль (M. De Michiel), посвященную анализу первого издания книги Бахтина «Поэтика Достоевского»; книгу К. Оливьери (C. Olivieri) «Достоевский. Глаз и знак», оригинальное эссе об отношениях писателя с фигуративным искусством (Достоевский как предмет и как субъект искусства, искусство как субъект в произведениях писателя)⁷⁷. Еще напомним о специфической странице истории семьи Достоевских, связанной с Италией: о пребывании в Мерано и Больцано дочери писателя, Любви, которая в Больцано и похоронена⁷⁸.

Наконец, достойно внимания и то, что творчество Достоевского продолжает вызывать огромный творческий и исследовательский интерес и вне рамок русистики, о чем свидетельствуют недавние монографии, написанные театроведами, педагогами, социологами, эпистемологами, журналистами⁷⁹ и даже авторитетным судьей Г. Коломбо (G. Colombo), который недавно предложил специфическое прочтение поэмы «Великий инквизитор», переключив ее на нашу современность: «В мире глобализации <...> , в котором Государство больше не является единственным обладателем власти, а граждане, кажется, постепенно превращаются просто в потребителей, Великий инквизитор скрывается за безликим понятием рынка»⁸⁰. Пример ярок. В подобном разнообразии подходов актуальность Достоевского для сегодняшней Италии ясна до очевидности.

⁷⁷ *Malcovati F.* Introduzione a Dostoevskij. Bari, 1992; *De Michelis C. G.* Il diavolo di Dostoevskij // Il diavolo e l'Occidente. Brescia, 2005. P. 117–130; *Gigante G.* Dostoevskij onirico. Napoli, 2001; *Ghini G.* Il simbolo «Giobbe» ne «I fratelli Karamazov» di F. M. Dostoevskij: tra connotazione ed ermeneutica // *Lingua e stile.* 1987. Vol. XXII, N 1. P. 91–118; *Ghini G.* Figura ed immagine ne «I fratelli Karamazov» // *Intersezioni.* 1988. Vol. VIII, N 3. P. 511–541; *Ghini G.* Dostoevskij a Bologna: le ragioni di un silenzio // *L'Est europeo e l'Italia.* Immagini e rapporti culturali. Genève, 1995. P. 339–348; *Ghini G.* La Scrittura e la steppa. Eseggesi figurale e cultura russa. Urbino, 1999; *Ghini G.* Un inedito di Diego Fabbri da un romanzo umoristico di Dostoevskij // *Rivista di letteratura italiana.* 2010. Vol. XXVIII, N 1. P. 137–164; *De Michiel M.* Il non-alibi del leggere: «Michail M. Bachtin *Problemi dell'opera di Dostoevskij*». Trieste, 2001; *Olivieri C.* Dostoevskij l'occhio e il segno. Catanzaro, 2003.

⁷⁸ См.: Любовь Достоевская: С.-Петербург — Больцано / Под ред. Б. Марабини-Цеггелер, М. Талалай. Firenze, 1999.

⁷⁹ *Marchetti M.* Camus e Dostoevskij: il romanzo sulla scena. Roma, 2007; *Molinari R.* Viaggio nel teatro di Thierry Salmon: attraverso «I demoni» di Fedor Dostoevskij. Milano, 2008; *Peretti M.* Il dramma dell'uomo e l'educazione: riflessioni pedagogiche sul pensiero di Dostoevskij. Brescia, 1984; *Cassano F.* L'umiltà del male. Bari, 2011; *Tagliagambe S.* Il sogno di Dostoevskij. Come la mente emerge dal cervello. Milano, 2002; *Scalfari E.* Per l'alto mare aperto. Torino, 2010.

⁸⁰ *Colombo G.* Il peso della libertà // *Il Grande Inquisitore.* Milano, 2010.